

БЛИЖНИЙ ВОСТОК и АФРИКА

А.Д. Эпштейн, С.А. Кожеев, И.А. Фадеев

ПОСЛЕДНЕЕ ГОСУДАРСТВО КРЕСТОНОСЦЕВ: БРИТАНСКОЕ МАНДАТНОЕ ПРАВЛЕНИЕ В ПАЛЕСТИНЕ В ЗЕРКАЛЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В последние годы наблюдается возрождение интереса к мандатному периоду в истории Палестины, который, хотя и длился всего три десятилетия, оказал огромное влияние на последующую историю страны и региона. Спустя 730 лет после того как в 1187 г. египетский султан Салах ад-дин выбил крестоносцев из Иерусалима, и христианский мир на многие столетия потерял контроль над самыми светлыми местами христианства, Британская империя, как она это не раз делала и прежде, вернула христианскому миру чувство коллективного достоинства. Но если в средние века Иерусалимское королевство, созданное крестоносцами, просуществовало почти два столетия, то в XX веке правление Британии в Иерусалиме и Палестине продолжалось всего три десятилетия – с декабря 1917 по май 1948 гг.

Это было, однако, очень напряженное время, и именно в тех далеких днях нужно искать ответы на многие ключевые вопросы, которые стоят на повестке дня мировой и региональной дипломатии. Как сложилось, что, по окончании британского мандата, страна оказалась втянута в пучину войны, в конце которой еврейское государство возникло, а арабское – нет? Почему, несмотря на то, что социалистическая идеология была очень распространена среди евреев, прибывавших из охваченных революционным духом России, возникший позднее Израиль не только не стал социалистическим государством, но, напротив, Советский Союз и Израиль оказались на столько по разную сторону баррикад, что дипломатические отношения между ними дважды (в 1953 и 1967 годах) разрывались? Насколько оправданным было фактически единоличное решение британских властей о создании в 1921 году эмирата Трансиордания (ныне – Иорданское Хашимитское королевство), и каковы были политические последствия этого решения?

Нужно сказать, что на сегодняшний день на русском языке издано уже около десяти книг, посвященных подмандатной Палестине, однако, ни одна из них не была опубликована в России! Три книги Авивы Халамиш, монографии Говарда Сакера, Меира Паиля, Йосефа Недавы, Феликса Канделя, Дана Хоровица и Моше Лиссакса были опубликованы в Израиле, а труд С.С. Щевелева – на Украине¹². Однако эти работы, пусть и изданные в зарубежье, все же дос-

¹² Речь идет о книгах: Сакер Г. История Израиля. От возникновения сионизма до создания Государства Израиль, в 2-х книгах. Иерусалим, 1994; Халамиш А. Иерусалим в период британского мандата // Курс «Иерусалим в веках», книга 10. Тель-Авив, 1998; Халамиш А. От «национального очага» – к государству. Еврейская община Палестины/Эрец-Исраэль между первой и второй мировой войной, в 2-х книгах. Раанана, 2006; Хоровиц Д. и Лиссакс М. От ишува к государству //

тупны заинтересованным российским специалистам, аспирантам и студентам-старшекурсникам. Книги же, опубликованные американскими и британскими университетскими издательствами на английском языке, порой – совсем небольшим тиражом, за редким исключением, в России неизвестны даже специалистам. Цель настоящей статьи и состоит в том, чтобы представить эти книги заинтересованным читателям в России, критически проанализировав их основные положения, предоставив аспирантам и студентам, интересующимся британской внешней политикой в период между двумя мировыми войнами, с одной стороны, и историей Ближнего Востока, с другой, своего рода «компас» по наиболее важным работам в указанной области.

На сегодняшний день существует весьма солидный корпус литературы по данной тематике, включающий в себя как недавно опубликованные исследования, так и работы, вышедшие в свет еще в 1970-е – 1980-е годы, но не потерявшие своей значимости. Израильские, британские и американские ученые занимались самыми разными аспектами политической, социальной и экономической жизни Палестины: формирование в стране централизованного административного аппарата, проблема образования в еврейском и арабском секторах, выработка Лондоном политики в отношении Палестины в контексте региональных и общемировых событий тех лет, влияние Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства на события на Ближнем Востоке, а также многими другими. При этом следует отметить огромные трудности, с которыми сталкивались и сталкиваются историки, изучающие три десятилетия британского правления в Палестине. Множество требующих рассмотрения проблем, большое количество заинтересованных сторон и различных органов власти (особенно в военный период), ответственных за те или иные вопросы, – все это означает, что требующие изучения архивы будут, во-первых, находиться в трех столицах – Иерусалиме, Лондоне и Вашингтоне – а во-вторых, будут колоссальным по своим масштабам.

Рассматриваемые ниже работы условно группируются вокруг двух центральных тем: британская политика в подмандатной Палестине, со всеми ее аспектами, и развитие собственно еврейской общины в его взаимодействии с арабским населением страны.

I

Проблемам «большой политики» и процессу принятия решений на уровне министерств и департаментов в Лондоне посвятил свою работу Майкл Коэн. Его книга «*Palestine: retreat from the mandate. The making of the British policy, 1936-1945*», вышедшая в свет в Оксфорде в 1978 году, является важным исследованием, посвященным проблемам подмандатной Палестины¹³.

Как показывает М. Коэн, Свидетельством важности Палестины для Британии в 1930-ые годы может служить тот факт, что сразу несколько мини-

Курс «Власть и политика в Государстве Израиль», книга 1. Тель-Авив, 1997; Паил М. Становление сил еврейской обороны, 1907–1948. Издательство Министерства обороны Израиля, 1987; Недава Й. Кто изгнал британцев из Эрец-Исраэль. Источники и факты. Израиль, 1991; Кандель Ф. Земля под ногами. Из истории заселения и освоения Эрец-Исраэль, 1918–1948. Иерусалим, 2008; Щевелев С.С. Палестина под мандатом Великобритании, 1920–1948 гг. Симферополь, 1999.

¹³ Kohen M. Palestine: Retreat from the Mandate. The making of the British Policy, 1936–1945. Oxford University Press, 1978.

стерств и ведомств были вовлечены в процесс выработки государственной политики в отношении этой подмандатной территории. Уже с середины 1930-х годов монополия Министерства колоний в области управления колониями и подмандатными территориями была нарушена Министерством иностранных дел и Военным министерством (к 1939 году численность британского контингента в Палестине составляла семнадцать тысяч человек). Кроме того, Министерство по делам Индии, стремясь учесть интересы индийских мусульман, также время от времени вмешивалось в процесс принятия решений. Особая значимость Палестины и переплетающиеся интересы различных министерств привели к тому, что любое политическое решение становилось результатом острых и длительных внутриправительственных споров.

Особое внимание М. Коэн уделяет тому влиянию, которое оказывали военно-стратегические соображения на британскую политику, как в период до издания Белой книги 1939 года, так и во время войны. Несомненно, на фоне всё возрастающей мощи Италии и ее амбиций в Средиземноморье и в Африке, а также стремления Великобритании укрепить свои дипломатические и военные позиции перед грядущей войной, именно соображения военно-стратегического характера играли решающую роль в английской политике на Ближнем Востоке. Растущая радикализация арабского населения Палестины, особенно после восстания 1936–1939 годов, в сочетании с ухудшающимся положением европейских евреев, стремившихся эмигрировать в Палестину, сделали неизбежным пересмотр британской политики в отношении еврейского национального дома. Первым шагом на этом пути было создание королевской комиссии (известной как Комиссия Пиля), которая рекомендовала, за невозможностью предложить ничего лучшего, раздел Палестины как единственный осуществимый проект. Это предложение и было одобрено в итоге правительством в июле 1937 года.

Комментируя последующий отказ от этого решения, М. Коэн подчеркивает важность сионистского ответа на предложенный Комиссией Пиля проект. Он рассматривает первоначальную неуверенность сионистов относительно правильности самого принципа раздела страны и их последующие попытки заставить правительство изменить очерченные королевской Комиссией границы путем мобилизации своих сторонников в Палате общин. М. Коэн полагает, что выбранная сионистами тактика была неверной. Хотя в итоге на Сионистском конгрессе в Базеле, прошедшем в августе – сентябре 1937 года, принцип раздела Палестины был одобрен, та активность, которую проявляли сионисты, критикуя предложения о разделе, впоследствии позволила британскому правительству отказаться от этой идеи, сославшись на ее изначальную непопулярность. Между тем, один из ключевых факторов, оказавших влияние на решение отказаться от рекомендаций Комиссии Пиля, была не активность или, напротив, неуверенность сионистов, а враждебность со стороны арабов – именно этот важный фактор М. Коэн в своей работе недооценивает. Враждебность арабов заставила Министерство иностранных дел начать кампанию против решений Комиссии Пиля, уже одобренных кабинетом, а непоследовательные действия сионистов лишь облегчили МИДу эту задачу.

Поворотным пунктом стала, по мнению М. Коэна, изданная в мае 1939 года очередная «Белая книга» (известная как «Белая книга М. Макдональда»),

ознаменовавшая собой фактический отказ Великобритании от принципов Декларации Бальфура: этот документ вводил беспрецедентные ограничения на еврейскую иммиграцию в Палестину и на возможности приобретения евреями земельных участков для создания новых поселений.

Вновь делая акцент на стратегических факторах в британской политике, особенно на стремлении Лондона вернуть расположение арабов, автор рассматривает «Белую книгу» 1939 года как своего рода ближневосточное продолжение «политики умиротворения», проводившейся кабинетом Н. Чемберлена. Хотя это объяснение верно, оно в то же время, очевидно, недостаточно. Решения, ограничивавшие в тех или иных аспектах развитие еврейского национального дома в Палестине, были не только частью «политики умиротворения», но и знаком растущего разочарования в сионизме. Впервые явное недовольство действиями евреев стало заметно в среде британской администрации в Палестине еще в 1920-е годы; в 1930-е же оно распространилось также и в правительственных кругах в Лондоне. При этом ключевые пункты Белой книги – такие как ограничение на иммиграцию евреев в страну и запрет на продажу земли евреям – были не только частью британской ближневосточной политики, но и частью ее колониальной политики в целом. «Белая книга» 1939 года стала лишь предвестником изменений в колониальной политике Лондона (в британской Африке в 1944–1946 годах были введены подобные меры). По мнению департамента Ближнего Востока Министерства колоний и Восточного департамента Министерства иностранных дел, Британия к тому времени уже создала еврейский национальный очаг в Палестине и выполнила, таким образом, свои обязательства перед евреями, вне зависимости от того, что считает Лига Наций, сами еврейские лидеры или те, кто их поддерживали.

Рассматривая период с 1939 по 1945 гг., М. Козн уделяет, как представляется, непропорционально много внимания спорам о будущем политики, начатой «Белой книгой», и непропорционально мало – собственно реализации этой политики. Именно ограничения на иммиграцию в Палестину, вступившие в силу после опубликования этого документа, а также попытки, во многом удавшиеся, британского правительства помешать спасающимся от нацистов евреям добраться до Палестины привели к радикализации еврейской общины страны, остававшейся враждебно настроенной по отношению к Великобритании на протяжении всей войны. Именно эти проблемы находились в центре и были камнями преткновения в отношениях английских властей и сионистов, как во время Второй мировой войны, так и после нее, вплоть до прекращения мандата в 1948 году. Эти аспекты М. Козн практически игнорирует, говоря о них лишь мимоходом и при том с определенной исторической небрежностью (так, 75 тысяч иммиграционных сертификатов были не только «рабочими сертификатами», как то утверждает автор, но включали в себя все категории иммигрантов)¹⁴. Рассмотрение М. Козном судьбы «Белой книги» остается неполным, а ключевой вопрос – почему требование создать еврейское государство, которое бы самостоятельно контролировало миграционную политику, всегда неявно бывшее частью идеологии сионизма, вдруг стало столь явным и насущным, как для евреев Палестины, так и для евреев по всему миру? – так и остался без от-

¹⁴ Kohen M. Palestine: Retreat from the Mandate. The making of the British Policy, 1936–1945. Oxford, 1978. P. 86.

вета. Ответ на этот вопрос лежит, без сомнений, в британской политике в отношении еврейских беженцев во время Второй мировой войны и шире – в судьбе европейского еврейства. В этом контексте создание еврейских вооруженных сил, которым автор посвящает половину одной из глав, представляется второстепенным.

Акцент автора книги на «большой политике» – решениях, принимавшихся на уровне кабинета министров – и невнимание к рутинной деятельности Министерства колоний также оказали влияние на оценку им положений «Белой книги». «Белая книга» предполагала осуществление ряда мер, направленных на создание в будущем в Палестине независимого государства, однако указанные меры были чреваты нестабильностью и административным хаосом. Однако следует помнить, что в 1939 году сама идея деколонизации была чуждой для британских правительственных кругов. И те конституционно-правовые положения, которые были оговорены в «Белой книге» и которые были столь важны в рамках «политики умиротворения» в арабском мире, так и остались нереализованными во многом из-за неспособности Министерства колоний и мандатной администрации в Палестине найти адекватные практические решения проблемы передачи властных полномочий на местном уровне. В декабре 1939 года вопрос обсуждался в кабинете министров Великобритании, и здесь У. Черчилль неожиданно для многих выразил свое принципиальное несогласие с «Белой книгой». Это привело к тому, что была принята схема, согласно которой не будет предпринято никаких шагов по реализации положений «Белой книги», могущих усложнить ее пересмотр после Второй мировой войны. Такое решение стало результатом не только позиции У. Черчилля и настойчивых предупреждений британских дипломатов об отрицательном отношении американских евреев к этому документу, но и следствием сочетания этих факторов и неуверенности министра колоний относительно практической возможности претворения в жизнь ограничений «Белой книги» в полном объеме.

М. Коэн акцентирует свое внимание на военно-стратегических аспектах как основном факторе, определявшем политику Великобритании в отношении Палестины. Это представляется совершенно оправданным для периода с 1936 по 1939 год, однако это едва ли верно для военных лет, когда высшие чиновники МИДа и Министерства колоний стали во многом сами определять ближневосточную политику, не особенно задумываясь о долгосрочных политических целях и стратегических императивах. Конечно, аргументы «за» и «против» того или иного решения формулировались на языке стратегии, однако, на самом деле, это делалось, что называется, лишь для проформы. Ответственные сотрудники Министерства колоний и особенно МИДа отбирали те аргументы и те оценки, которые подкрепляли их позиции, отбрасывая все те, что ставили их под сомнение. Так, ни для кого в правительственной среде не было секретом, что экспертная оценка, подготовленная Объединенным комитетом по разведке, была отправлена на доработку Комитетом по Ближнему Востоку, который состоял из представителей Министерства колоний и Министерства иностранных дел, только потому, что она недостаточно ярко показывала зависимость Великобритании от арабского общественного мнения. Аналогичным образом фильтровались мнения послов в ближневосточных столицах. Так, мнение английского посла в Каире постоянно приводилось руководством МИДа, но не

потому, что именно этот посол был самым уважаемым экспертом, а потому, что он был самым последовательным сторонником линии МИДа, состоявшей в том, что уступки в отношении Палестины есть залог сохранения лояльности арабского общественного мнения. Мнение же посла в Дамаске, утверждавшего, что единственной гарантией поддержки арабов являются военные победы и постоянное военное присутствие Великобритании в регионе, как правило, игнорировалось. Когда же бывший в 1938–1940 гг. министром иностранных дел Эдвард Вуд (лорд Галифакс) попытался снять посла в Египте с его должности, ставя ему в вину ухудшение отношений с королем Фаруком, ему этого сделать не удалось из-за обширных связей посла в высших правительственных эшелонах в Лондоне. Наконец, одна и та же экспертная оценка могла использоваться несколько раз для продвижения абсолютно разных решений. Так, обсуждая англо-саудовские отношения в начале войны, британский МИД утверждал, что только постоянные уступки арабам в Палестине могут гарантировать сохранение лояльности Ибн-Сауда, иначе он встанет на сторону Италии. Когда же обсуждался вопрос о возможных поставках оружия в Саудовскую Аравию, сама возможность союза Муссолини и Ибн-Сауда была отмечена, так как итальянцы, по мнению британских дипломатов, дискредитировали себя в Киренаике.

Всё вышесказанное не означает, что военно-стратегические соображения или мнения экспертов не оказывали никакого влияния на политику Великобритании. Конечно, оказывали, однако лишь в том случае, если они совпадали с мнением руководства соответствующих британских министерств. В этом контексте, британский МИД и Министерство колоний столкнулись во время войны с двумя трудными проблемами. Основная из них состояла в том, что налагаемые «Белой книгой» ограничения не всегда могли быть претворены в жизнь из-за сложностей в процессе их реализации. Ограничения на иммиграцию приводили к волнениям и другим выражениям недовольства со стороны евреев, причем не только жителей Палестины. Уже к 1941 году отдельные министры пришли к выводу, что «Белая книга» обречена, а следовательно, как только закончится война, необходимо будет вырабатывать новую политику в отношении этой мандатной территории.

Рассмотрение проблемы британской политики в отношении Палестины не может ограничиваться исключительно уровнем министерских и правительственных решений, дебатов в Лондоне и, вообще, «большой политикой». Изучение функционирования английской мандатной администрации собственно в Палестине является необходимым для понимания процессов, происходивших в стране на протяжении всех трех десятилетий английского присутствия, причем присутствия в ближневосточном регионе в целом. Именно этой проблеме посвящены исследования Наоми Шеперд и Джошуа Шермана, которые рассматривают особенности работы мандатной администрации, освещают взгляды английских чиновников, отвечавших за принятие важнейших решений на местах, описывают их быт и образ жизни. В своей книге *«Ploughing Sand: British Rule in Palestine, 1917–1948»*, вышедшей в свет в 2000 году, ее автор, Н. Шеперд, привлекает многие ранее не вовлеченные в научный оборот источники, в частности, из церковных архивов¹⁵. Один из центральных тезисов дан-

¹⁵ Sheperd N. *Ploughing Sand: British Rule in Palestine, 1917–1948*. New Brunswicks, 2000.

ного исследования состоит в том, что все попытки британских мандатных властей создать административный аппарат, который бы обеспечил сотрудничество и взаимодействие между евреями и арабами, были тщетны. Автор отмечает, что начало британского правления было отмечено волной энтузиазма: официальный корреспондент, сопровождавший войска генерала Алленби, описывал завоевание англичанами Палестины не иначе как «пробуждение»; один из британских чиновников писал, что «поэтика этих мест буквально проникает в тебя»; на Имперской выставке в Лондоне в 1924–1925 годах в павильоне Палестины демонстрировался немецкий штык, превращенный местным арабских крестьянином в нож для стрижки деревьев, словно «во исполнении библейского пророчества»¹⁶; а Рональд Сторрс, ставший губернатором, писал, что «нет назначения более высокого, чем назначение в Иерусалим»¹⁷.

С течением времени, однако, британцам все больше пришлось примерять на себя роль третейского судьи для двух принципиально несовместимых и политически непримиримых национальных движений. Как отмечает иерусалимский историк Авраам Села, «точкой невозврата» на пути оформления двух антагонистических программ стали беспорядки в Старом городе Иерусалима, произошедшие в 1929 году¹⁸. На каком-то этапе британцы уже не могли маневрировать между арабами и евреями, избегая обвинений с той или другой стороны в предательстве и лжи, и это сильно ослабило их позиции. Какой бы курс ни пытались проводить британцы, какую бы политику ни вели, они встречали со стороны местного населения, причем как евреев, так и арабов, агрессивную подозрительность по отношению к любым своим действиям¹⁹. Автор книги считает, что идея создания единого государства в Палестине была не более, чем фантазией, почвы для этого не было, а следовательно, то, чем занимались британские власти было, метафорически говоря, «возделыванием песка»²⁰.

Джошуа Шерман собрал выдержки из дневников и официальной переписки различных британских должностных и частных лиц в читающуюся на одном дыхании книгу под названием «*Mandate Days: British Lives in Palestine, 1918–1949*», которая была издана в 1997 году и представляет собой прекрасный источник по истории британского правления в Палестине²¹. Автор книги описывает деятельность «обыкновенных людей в необычной ситуации», чьи действия и усилия «были сведены на нет самой Святой Землей». «Расколота многовековой ненавистью, пропитанная кровью и трагедиями, в определенный исторический момент Палестина отторгла своих британских правителей»²². Дж. Шерман скрупулезно демонстрирует те заблуждения и иллюзии, которые лежали в основе мандатной политики. Автор использует впечатления и размышления людей, управлявших Палестиной или просто живших в ней в то

¹⁶ Ibid. P. 67.

¹⁷ Ibid. P. 241.

¹⁸ Sela A. The 'Wailing Wall' Riots (1929) as a Watershed in the Palestine Conflict // Muslim World, Vol. 84, No. 1–2, 1994. P. 60–94.

¹⁹ Amitzur I. Withdrawal without recommendations: Britain's decision to relinquish the mandate, in S.G. Haim and E. Kedourie (ed), Zionism and Arabism in Palestine and Israel, 1982. P. 183.

²⁰ Sheperd N. Ploughing Sand. P. 217.

²¹ Sherman J. Mandate Days: British Lives in Palestine, 1918–1949. New York, 1997.

²² Ibid. P. 244.

период, чьи дневниковые записи, изначально не предназначавшиеся для опубликования, были сохранены в архивах, и смотрит на события «их глазами». Некоторые подобные свидетельства уже были опубликованы ранее, в книге Дерек Хопвуда *«Tales of Empire: The British in the Middle East 1880–1952»*, вышедшей в свет в 1989 году, однако труд Дж. Шермана не теряется и на этом фоне.

Британские официальные лица и их семьи, проживавшие в Палестине, старались максимально замкнуться, отгородиться, создать сообщество переселенцев, копирующее в мельчайших деталях быт и уклад английского общества: были выписаны английские садовники, тщательно соблюдался протокол, день рождения монарха отмечался военным парадом, собирались школьные собрания, регулярно проводилась охота, хотя и не на лис, а на шакалов. Все это напоминало игру, фарс, а сама британская мандатная администрация, по-видимому, была также приспособлена к управлению Палестиной, как – цитируя пример, приведенный в книге Дж. Шермана – гости, приехавшие на чай в длинных белых перчатках, но вынужденные есть пахлаву, не пользуясь ни тарелками, ни столовыми приборами. Пропитанный церемониями режим, созданный британскими властями в Палестине, легитимизировал их власть в собственных глазах и, вероятно, в глазах значительной части мирового сообщества, но он не производил впечатления на местное население. «В прошлом году вы взрывали наши дома и лавки, а в этом вы развлекаете нас концертом вашего оркестра», – заявил взбешенный арабский лавочник английскому полицейскому в 1939 году, и так чувствовали очень и очень многие, причем как арабы, так и евреи²³.

Раскол между евреями и арабами был предопределен, конечно, разностью языков, культур и интересов, но также и предрассудками и патернализмом. При этом, как отмечает Дж. Шерман, сионисты виделись англичанам как люди самоуверенные, непримиримые и эгоцентричные, а их агитация – как раздражающая. Несколько парадоксальным образом, в сознании многих британских чиновников евреи были носителями дисгармонии, свойственной европейским и американским городам, в то время как арабские деревни, напротив, представлялись им островками гармонии и гордости²⁴. Однако, как справедливо отмечает автор, в основе отношения британских официальных лиц к евреям очень часто лежала их оценка как значимой силы в международной политике; ничего подобного в отношении арабов не наблюдалось. Хотя в личных дневниках и переписке можно найти достаточно свидетельств антисемитизма представителей английских властей в Палестине, существовало также огромное количество ужасных расовых предрассудков в отношении арабов. «Большинство несчастных случаев на дороге было вызвано действиями полицейских, – пишет один из английских офицеров, переехать араба – как переехать собаку в Англии, с той лишь разницей, что об инциденте с арабом мы не пишем рапортов». Тот же офицер описывал политику англичан: «Любой араб, будучи схваченным при подозрительных обстоятельствах, немедленно расстреливался»²⁵.

Дж. Шерман уделяет особое внимание системе образования в подмандатной Палестине. Рассмотрение принципов политики английских властей в

²³ Sherman J. Mandate Days: British Lives in Palestine, 1918–1949. P. 134.

²⁴ Ibid. P.73.

²⁵ Ibid. P.108–109.

этой области, по мнению автора, совершенно необходимо для понимания особенностей мандатного правления в целом. Сфера образования в подмандатной Палестине, учитывая общую нехватку средств, была ровно той областью, где рассчитывать можно было практически исключительно на патерналистскую помощь. Ранее изданная литература необоснованно пренебрегала проблемой образования, а между тем сохранились личные документы преподавателей, которые могут послужить важным источником; подобные дневниковые записи Дж. Шерман и вводит в научный оборот.

Согласно утверждению исследователя, два человека – Хэмфри Боуман и Джером Фаррел – оказывали наиболее сильное влияние на политику в области образования, «именно их убеждения и предпочтения имели особую значимость». Расходы на образование колебались между 4 и 7 процентами бюджета. Около двух третей выделяемых средств шло в арабский сектор, оставшаяся часть – в еврейский. Хотя государственные арабские школы дополнялись частными и религиозными учебными заведениями, общая посещаемость арабских школ была значительно ниже, чем аналогичный показатель в еврейском секторе. По данным, приводимым автором, общая численность детей, посещающих школу, в арабском секторе за время мандата сократилась. И дело здесь обстояло не только в нехватке ресурсов на развитие арабской системы образования, но и в отсутствии желания самих британских властей развивать эту сферу. «Трудность состоит в том, как найти работу для того, кого мы обучаем в школах. В этом жалком подобии страны у них нет никакого будущего», – писал Стюарт Пероун в 1926 году²⁶. Другие чиновники, веря в мобилизующую силу печатного слова, опасались политических последствий распространения грамотности, которое могло повлечь за собой усиление радикальной общественной активности арабов.

Х. Боуман опасался развивать общее образование в арабских деревнях, призывал предотвращать, насколько это вообще возможно, миграцию в город, где люди могут пополнить ряды бедняков и безработных, и настаивал на необходимости «сельскохозяйственного уклона» деревенских школ, который и сможет предотвратить отток в города. Дж. Фаррел полагал необязательным развитие старшей ступени среднего образования, исходя из того, что, по его мнению, процент людей, способных получать знания такого уровня, был невысок.

Подобные мнения могут многое рассказать о жизни тех людей, которые определяли политику в подмандатной Палестине. Хотя это – всего лишь заметки отдельных людей, а не официальные документы и постановления, роль отдельных чиновников и их взгляды имели большое влияние на определение практической политики. Этот тезис проиллюстрирован в работе Сюзан Бойле *«Betrayal of Palestine: The Story of George Antonius»*, предоставляющей богатый материал по мандатному периоду в истории Палестины²⁷. Дж. Антониус уделял пристальное внимание развитию образования, считая, что это «позволит дать людям возможность участвовать в общественных делах», а кроме того, принимал деятельное участие в театральной жизни британской общины в Палестине²⁸. При этом он довольно быстро разочаровался в политике, написав в своем

²⁶ Ibid. P.73.

²⁷ Boyle S. *Betrayal of Palestine: The Story of George Antonius*, 2001.

²⁸ Boyle S. *Betrayal of Palestine: The Story of George Antonius*, 2001. P.120.

дневнике после встречи и продолжительной беседы с лордом А.Д. Бальфуrom: «Палестина для него – всего лишь игра, своего рода историко-интеллектуальная головоломка. Об арабах он практически ничего не знает, точнее, знает ровно столько, сколько можно знать о слугах, подающих тебе мячики для гольфа... Как только голос арабов становится слышен, они становятся для него раздражающими хулиганами, отрывающими его от историко-философских размышлений и нарушающими хрупкое равновесие его фантастического эксперимента...»²⁹. На Сент-Джеймской конференции, проходившей в 1939 году, Дж. Антониус выступал в качестве советника-эксперта, и именно на той конференции было принято решение о предоставлении Палестине независимости в течение десяти лет. При этом он оставался весьма скептичен в отношении британской политики на Ближнем Востоке, испытывая глубокую неуверенность относительно того, какое именно будущее ждет Палестину: «В истории часто случается, что конфликт двух сторон, исход которого кажется предопределенным ввиду подавляющего превосходства одной стороны над другой, вдруг становится совершенно непредсказуемым из-за вмешательства новых сил»³⁰. Разрушительное влияние Второй мировой войны на Великобританию, все возрастающее влияние США в мире и в регионе, Холокост, рост военного потенциала еврейской общины страны, провал арабского восстания – все эти факторы сплелись воедино, предопределив развитие событий в 1948 году по столь трагическому для палестинских арабов пути.

Кроме освещения британской политики в отношении Палестины, как на уровне местной администрации, так и решений, принимавшихся кабинетом министров, исследователи поднимают такие проблемы, касающиеся отношений Британии и сионистского движения и отношения Британии к европейскому еврейству в годы Второй мировой войны и Холокоста. Книга Тома Сегева «*One Palestine, Complete: Jews and Arabs under the British Mandate*», вышедшая в свет в Нью-Йорке в 2000 году, стремится дать ответ на вопрос, в какой степени сионизм обязан своим успехом британской мандатной администрации³¹. Сама попытка поставить вопрос таким образом стала рассматриваться как своего рода «ревизионизм», особенно в Израиле, где британские власти являются в глазах многих тем врагом, независимость от которого была завоевана в освободительной войне.

Отдавая должное внутренней самоорганизации еврейской общины, Т. Сегев подчеркивает, что «колоссальная разница между двумя национальными движениями состояла в том, что, в отличие от арабских детей, практически каждый еврейский ребенок ходил в школу»³². Таким образом, еврейская система образования сплотила еврейское население страны, подготовив его к созданию своего государства и к ведению войны за его независимость. В арабском же секторе в среднем лишь один из каждых трех детей посещал школу, остальные оставались неграмотными, формируя «потерянное поколение»³³. Результаты этого были катастрофическими: к войне 1948 года палестинские арабы так и

²⁹ Ibid. P. 131.

³⁰ Ibid. P. 220.

³¹ Segev T. *One Palestine, Complete: Jews and Arabs under the British Mandate*, 2000.

³² Ibid. P. 391.

³³ Ibid. P. 514.

не стали единым народом, оставаясь разделенными по социальному, географическому и религиозному признаку, сохраняя глубокий раскол между сельским и городским населением. С точки зрения Т. Сегева система образования, существовавшая в период британского мандата, была частью общей политики английских властей, в целом благоприятствовавшей сионистам.

Помимо этого, автор подчеркивает значимость пристального рассмотрения проблемы земли в мандатной Палестине. Согласно общепринятому взгляду на эту проблему, массовая скупка земель евреями способствовала впоследствии возникновению Государства Израиль. В то же время, как убедительно показывает Т. Сегев, евреи владели лишь около 10% земель, оказавшихся на территории Израиля после Войны за независимость, причем большая часть этих земель была куплена еще до официального установления британского мандата³⁴.

Однако можно ли на самом деле считать британскую политику, в особенности, в последние десять лет мандатного правления, проеврейской и просионистской? В книге Бернарда Вассерштайна *«Britain and the Jews of Europe, 1939–1945»*, вышедшей в Оксфорде в 1979 году, дается скорее отрицательный ответ на этот вопрос³⁵. Эта книга дополняет более раннюю работу Г. Фейнголда *«The Politics of Rescue»*, посвященную политике США в отношении евреев Европы, и составляет вместе с ней мрачный обзор бездействия и безразличия со стороны союзников, которые позволили концентрационным лагерям и газовым камерам действовать столь долго. Данная тема представляется очень противоречивой, ведь именно британская армия, в конце концов, освобождала многие лагеря смерти и внесла свой вклад в победу над нацизмом. Меж тем, в своем подробном и опирающемся на многочисленные документы исследовании, Б. Вассерштайн приходит к выводу, что роль Великобритании в судьбе европейского еврейства скорее бесславна.

Первоначально, с 1933 года и вплоть до аншлюса Австрии в 1938, Великобритания была очень благосклонна по отношению к евреям, бежавшим от нацистов, и приняла больше иммигрантов, в пересчете на душу населения, чем любая другая страна, исключая Палестину. Между тем, по мере того, как нацисты захватывали все новые страны Европы, проблема беженцев становилась все более острой, и, как следствие, были установлены квоты на иммиграцию. Эта непростая ситуация была многократно усложнена введением в мае 1939 года ограничений на въезд беженцев в Палестину. Таким образом, лишенные права на иммиграцию, беженцы стали въезжать незаконно. К концу 1939 года британское правительство постановило считать всех евреев, пытавшихся уехать из Европы через балканские страны, потенциальными нелегальными иммигрантами. Вплоть до окончательного разрыва отношений в ходе войны, именно еврейский вопрос был ключевым в отношениях Лондона и всех стран Балканского полуострова.

Справедливость требует признать, что кампания против нелегальной иммиграции, начатая англичанами, имела успех не потому, что они закрыли пути въезда в Палестину, а потому что немцы перестали евреев куда-либо выпускать, перейдя от выдавливания евреев из Европы к их физическому унич-

³⁴ Ibid. P. 273.

³⁵ Wasserstein B. *Britain and the Jews of Europe, 1939–1945*. Oxford University Press, 1979.

тожению. Однако Британия в те годы не сделала ничего, чтобы спасти евреев или хотя бы как-то облегчить их участь. Германия поставила под жесткий контроль границы Европы и перекрыла поток беженцев, но в это же самое время вместо того, чтобы бить в набат о трагедии европейского еврейства, Британия оказывала давление на правительства третьих стран (например, Турции) с целью заставить их не пускать евреев на свою территорию!

К концу 1941 года, когда нацисты закрыли границы Европы для выезда беженцев, кампания по борьбе с нелегальными мигрантами оставила глубокий след в сознании многих правительственных чиновников в Лондоне, создав крайне негативный образ еврейских беженцев и евреев вообще. Так, департамент Ближнего Востока Министерства колоний считал проблему еврейских иммигрантов проявлением сионистского заговора (именно так это формулировалось!) против политики «Белой книги», а самих евреев – едва ли не врагами номер два, после немцев. Департамент по делам беженцев Министерства иностранных дел, хотя и сохранял определенную степень сдержанности, так же называл еврейских беженцев «помехой» и фактором, ухудшающим позиции Великобритании на Ближнем Востоке.

Рассматривая проблему евреев, спасавшихся из оккупированной нацистами Европы, Б. Вассерштайн отмечает, что Министерство иностранных дел, выступая против еврейской иммиграции в Палестину, часто приводило в защиту своей позиции тот довод, что среди иммигрантов могут быть нацистские агенты. При этом автор утверждает, что такое опасение было беспочвенным, и дипломаты знали об этом, но использовали его с целью оправдать кампанию против нелегальной миграции в Палестину. Необходимо подчеркнуть, что страх перед нацистскими агентами эксплуатировался не столько для оправдания антииммиграционной политики в глазах общественности, сколько в межминистерском соперничестве, а также в борьбе Министерства колоний и премьер-министра. Еще занимая пост Первого лорда Адмиралтейства У. Черчилль не позволял военно-морскому флоту останавливать суда с беженцами, а уже став премьер-министром, он предпринял ряд шагов, направленных на улучшение положения беженцев. В результате невозможно найти ни одного правительственного документа военного периода, посвященного иммиграции в Палестину, в котором бы не упоминались бы «нацистские агенты», хотя существование таких агентов так никогда и не было доказано. Министерство иностранных дел и Министерство колоний справедливо полагали, что сама угроза нацистских агентов может стать решающим фактором в поддержке кабинетом той или иной политики, вне зависимости от мнения У. Черчилля.

Палестина была лишь одним из нескольких факторов, определявших отношение Великобритании к еврейским беженцам. Среди остальных, по мнению Б. Вассерштайна, были общее невнимание к судьбе евреев, проявленное английским правительством; бездействие британских властей в отношении проблемы беженцев в целом; и страх властей перед трудностями приема новых беженцев, в том случае, если нацисты вновь решат открыть границы (именно на это ссылался Э. Иден в 1943 году, когда балканские страны-союзники Германии открыли границы, позволяя проживающим на их территории евреям уехать до того, как немцы депортируют их концлагеря). Только когда правитель-

ство Великобритании окончательно убедилось, что лишь очень небольшое количество мигрантов могут добраться до Палестины через нейтральные страны, были предприняты, уже практически бесполезные, изменения миграционной политики. Даже когда Великобритания официально признала факт существования и функционирования лагерей смерти и газовых камер в них, никаких новых шагов хотя бы в направлении ограничений, наложенных «Белой книгой», сделано не было.

В последние годы дискуссия по данным вопросам вспыхнула с новой силой. Причиной тому стало появление в 2004 году изданной Кембриджским университетом книги профессора Еврейского университета в Иерусалиме Шломо Аронсона «*Hitler, the Allies, and the Jews*». Сугубо «палестинская» проблематика в книге, однако, почти не поднимается, инициативы различных сионистских организаций приводятся исключительно в контексте попыток и предложений по спасению евреев тех или иных стран Европы³⁶, поэтому анализ положений и выводов этой важнейшей монографии остается за рамками нашего обзора.

II

Вторая группа исследований касается проблем внутреннего развития еврейской общины в подмандатной Палестине и включает в себя как работы критического характера, ставящие своей целью ревизию устоявшихся взглядов и мнений, так и более традиционные работы, претендующие на изучение политической, экономической и социальной сфер жизни еврейской общины под новым углом или привлекающие новые, ранее незадействованные источники.

Одной из наиболее цитируемых работ, посвященных истории и социальной структуре еврейской общины Палестины, является изданная в 1978 году в Чикаго книга иерусалимских социологов Дана Горовица и Моше Лиссака «*The Origins of the Israeli Polity: Palestine under the Mandate*». В центре внимания ученых лежат не только те или иные аспекты социальной, политической и экономической жизни еврейской и арабской общин Палестины в период британского мандата, но и проблема применимости существующих научных теорий к исследованию мандатной Палестины.

Рассмотрение уникальных, во многих аспектах, социальных и исторических реалий мандатной Палестины привело Д. Горовица и М. Лиссака к заключению, что ни одна из существующих теоретических моделей не может быть применима к данному случаю. Теории, разработанные для этнически и конфессионально разнородных, но, в целом, одинаково модернизированных, социумов, неприменимы ввиду кардинально разного уровня модернизации еврейской и арабской общин; модели, созданные для описания колониальных обществ Азии, Африки и Латинской Америки, наталкиваются на проблему практически полной изолированности друг от друга преимущественно иммигрантской еврейской общины и палестинских арабов. Даже теории, рассматривающие два обособленных общества, взаимодействующих друг с другом на паритетной основе, представляются непригодными из-за того, что ни еврейская община, ни палестинские арабы не были самодостаточными обществами, являясь каждой частью более крупной системы мандатного правления.

³⁶ Aronson S. *Hitler, the Allies, and the Jews*, 2004. P. 227–231.

Принимая во внимание все эти теоретические трудности, авторы приходят к выводу, что историко-социологическое описание подмандатной Палестины должно включать в себя, во-первых, описание двух самостоятельных, но связанных со своими заграничными центрами, обществ; во-вторых, определение той роли, которую каждое из них играло в Палестине; в-третьих, исследование различного положения этих обществ, и в особенности, характера их связей с заграничными центрами; и, наконец, рассмотрение их взаимоотношений, находившихся под контролем британцев³⁷. Мандатная Палестина, «бывшая глубоко разделенным обществом, которое не имело ни общего культурного, ни социального знаменателя», две основные общины которого поддерживали минимально возможные экономические и политические контакты, последние, причем, преимущественно через британскую администрацию, а не непрямую, представляет собой уникальный случай, а его осмысление требует принципиально новой теории и модели³⁸.

Переходя от теоретических построений к освещению конкретных фактов и процессов, имевших место в Палестине, авторы последовательно прослеживают, как существовавшая изначально разница в образе жизни и культуре евреев и арабов была закреплена территориальным размежеванием, затем экономическим обособлением, и, наконец, созданием собственных политических институтов.

Различие между еврейскими и арабским сектором Палестины ярко проявлялось уже на уровне демографии. Арабы составляли устойчивое большинство на всем протяжении британского правления, хотя численность евреев возросла втрое, с 11% в 1922 году, когда была проведена первая перепись населения, до 33% в 1947 году. Между тем, несмотря на серьезные экономические сдвиги в Палестине в период мандата, доля городского населения среди арабов практически не изменилась, составляя приблизительно четверть населения, в то время как аналогичный показатель в еврейском секторе превышал три четверти³⁹.

При этом рост городского населения в еврейском секторе происходил как за счет расширения существующих городов и городских кварталов, так и за счет создания новых городов, в то время как арабское городское население росло преимущественно за счет миграции сельских жителей в существующие города, как мононациональные, арабские, так и в города со смешанным населением⁴⁰.

Практически с самого начала еврейской иммиграции происходил процесс территориального размежевания двух общин. В Яффо, Иерусалиме и Хайфе были созданы отдельные муниципальные образования, населенные исключительно евреями. Некоторые из них впоследствии стали городами, некоторые остались городскими районами. Ко времени начала Арабского восстания в 1936 году подавляющее большинство евреев и арабов жили в этнически обособленных поселениях, в то время как доля смешанных городов в целом обнаруживала устойчивую тенденцию к снижению. Более того, территориальное

³⁷ Horowitz D. and Lissak M. *Origins of the Israeli Polity: Palestine under the Mandate*, 1978. P. 23.

³⁸ Horowitz D. *Before the State: Communal Politics in Palestine under the Mandate, The Israeli State and Society: Boundaries and Frontiers*, 1989. P. 29.

³⁹ Horowitz D. and Lissak M. *Origins of the Israeli Polity*. P. 26.

⁴⁰ Carmi Sh. and Rosenfeld H. *Immigration, Urbanization and Crisis: The Process of Jewish Colonization in Palestine during the 1920s* // *International Journal of Comparative Sociology*, Vol. 12, No. 1, 1971. P. 41–56.

размежевание было закреплено культурной обособленностью: еврейский сектор Палестины стал строить свою идентичность на основе языка иврит. Хотя авторы признают языковую неоднородность еврейской общины, ультраортодоксальная часть которой по-прежнему использовала идиш, принятие иврита в качестве нового общего языка стало важнейшей частью в формировании единого самосознания будущей еврейской израильской нации.

Экономическое размежевание еврейского и арабского секторов проходило несколько медленнее, чем территориальное и культурное. Ввиду дешевизны арабской рабочей силы в течение долгого времени многие еврейские хозяйства продолжали нанимать арабских работников. Поворотными событиями в процессе экономического обособления стали Арабское восстание 1936 года, сопровождавшееся бойкотом еврейского сектора, производимой им продукции и его торговой инфраструктуры, и Вторая мировая война, давшая толчок развитию в Палестине промышленных предприятий, созданных еврейскими предпринимателями, успевшими спастись из Европы в последние годы накануне Холокоста. К концу мандатного периода доля арабских рабочих на существовавших в Палестине промышленных предприятиях была ничтожно мала⁴¹.

Наконец, обе общины – еврейская и арабская – очень по-разному выстраивали свои политические институты. Палестинские арабы ориентировались на центры арабского национализма, находившиеся в Стамбуле и Дамаске, а собственный орган управления – Высший мусульманский совет – был, прежде всего, религиозным органом. Созданный же впоследствии Верховный арабский комитет показал свою неэффективность как управленческий орган. В то же время в еврейском секторе были созданы как законодательные – *Асефат нивхарим* [Собрание представителей] – так и исполнительные – *Ваад леуми* [Национальный комитет] – органы власти, равно как и действовавшие на постоянной основе военные организации – *Хагана* [Оборона]. Все эти органы власти могли функционировать и без участия мандатных властей.

Таким образом, неравномерность в развитии и уровне модернизированности, в сочетании с разной политикой арабской и еврейской элит, последняя из которых показала свою успешность в создании институтов «квазигосударства», как описывают это Д. Горовиц и М. Лиссак, привела к тому, что ко времени ухода британцев в мае 1948 года еврейский ишув оказался достаточно силен и организован, чтобы заполнить создавшийся вакуум власти и построить свое государство.

Если Д. Горовиц и М. Лиссак рассматривают подмандатную Палестину с историко-социологической точки зрения, то Анита Шапира в своей книге *«Land and Power: the Zionist Resort to Force, 1881–1948»* ставит своей целью проследить эволюцию мировоззрения и менталитета лидеров еврейской общины страны. Пытаясь найти объяснение изначально доброжелательному, по ее мнению, отношению многих сионистских лидеров к арабам, А. Шапира выдвигает идею «социалистического гуманизма и универсализма» как своего рода сдерживающего фактора, ограничивавшего возможные проявления шовинизма и агрессивности. При этом автор исследования подчеркивает глубокое противоречие между идеями и реальностью: между социалистическим гуманизмом и

⁴¹ Horowitz D. and Lissak M. Origins of the Israeli Polity. P. 40.

трудностями, и порой жестокостями, борьбы за создание еврейского государства. Вместе с количественным ростом еврейского населения Палестины, экономическим развитием еврейской общины, усилением ее конфронтации с палестинскими арабами, менялось и самосознание, и мировосприятие евреев, живших в Палестине, их отход от оборонительного и виктимного сознания диаспоры. Этот тезис очень точно согласуется с идеей, выдвинутой другим видным историком сионистского движения Уолтером Лакером, который утверждал, что столкновение «пролетарского интернационализма» и идеализма первых сионистов с реальностью Палестины стала для многих из них тяжелым ударом, заставившим их изменить свое мировоззрение⁴². Растущая уверенность в себе и готовность отстаивать свои интересы стала быстро восприниматься палестинскими арабами как «оскорбительное высокомерие»⁴³. Подкрепленное постоянной иммиграцией и скупками земли, это ощущение создало в сознании арабов Палестины образ «агрессивных сионистов»⁴⁴.

А. Шапира справедливо утверждает, что символы и символические действия зачастую оказывали гораздо большее воздействие на сознание и общественное мнение евреев Палестины, чем реальные действия⁴⁵. Аргументируя свою позицию, автор приводит многочисленные выдержки из речей, прессы и литературы того периода, указывая на их влияние на формирование общественного мнения.

Анализ культуры времен мандатного правления, психологии евреев, живших в Палестине в то время, приводит автора к выводу, что, несмотря ни на что, большинство сионистов, пусть молчаливо, но признавало огромное различие между их восприятием Палестины и ее будущего и аналогичным восприятием арабов. Это молчаливое признание постепенно переросло в понимание и принятие того факта, что строительство собственного национального дома и собственного государства неизбежно приведет к силовому столкновению с арабами. Когда большая часть общественных дискуссий внутри еврейской общины касалась «искусственности» палестинского арабского национализма и возможного заговора англичан с целью не допустить создания еврейского государства, сионистские лидеры были вынуждены на публике обсуждать именно эти проблемы, тогда как между собой они обсуждали совершенно другие темы, связанные с опасностью будущего столкновения с арабами Палестины и соседними арабскими странами⁴⁶. В рамках возможного решения этой проблемы оформилось несколько противоположных взглядов, самые известные из которых – идея «железной стены» В. Жаботинского и противоположная ей идея двунационального еврейско-арабского государства, выдвинутая ассоциацией «Брит шалом».

А. Шапира указывает, что в истории сионистского движения можно выделить два этоса – «оборонительный» и «агрессивный». Если первый характерен для периода с 1881 по 1936 год, то второй – для периода с 1936 по 1948

⁴² Laqueur W. The History of Zionism. London, 2003. P. 331.

⁴³ Shapira A. Land and Power: The Zionist Resort to Force, 1881–1948. Oxford University Press, 1992. P. 107.

⁴⁴ Ibid. P. 139.

⁴⁵ Ibid. P. 90.

⁴⁶ Ibid. P. 357.

год, а смена одного этоса другим отражает изменение реального положения еврейской общины Палестины в мировой и региональной политике. «Оборонительный этос» основывался на идее о том, что евреи смогут жить и процветать под турецким, а впоследствии и британским, правлением, постепенно и мирно ставя Палестину под свой контроль путем все возрастающей иммиграции, скупки земель, строительства новых поселений. Однако уже к середине 1920-х годов эта оптимистическая картина стала разрушаться, и в сознании евреев все больше росли алармистские настроения⁴⁷. Осознание того, что среди палестинских арабов растет национальное самосознание, а также понимание того, что британцы руководствуются и буду руководствоваться впредь только своими собственными интересами, привели к изменениям в самосознании и смене парадигм: в политической культуре еврейской общины «националистический» компонент стал все больше вытеснять «социалистический», что нашло отражение в смене популярных ранее образов рабочего и поселенца на образы воина и борца⁴⁸. Наконец, Анита Шапира освещает еще один процесс, происходивший в рамках эволюции самосознания еврейской общины Палестины – процесс смены «ментальности диаспоры» с ее виктимностью на «ментальность *сабры*» [сабра (ивр.) – уроженец страны] с ее четко выраженным образом арабов как врага.

Анализ специфики коллективного сознания жителей еврейской общины Палестины представлен и в книге Бена Халперна и Йехуды Рейнхарца «*Zionism and the Creation of a New Society*»⁴⁹. Эта книга с очень и очень непростой судьбой. Один из авторов – выдающийся историк Бен Хальперн (1912–1990), автор до сих пор широко цитируемой книги «*The Idea of the Jewish State*»⁵⁰ – скончался в процессе работы над ней, и Йехуда Рейнхарц, бывший в 1994–2009 гг. президентом находящегося в штате Массачусетс Университета Брандейс, заканчивал работу над монографией один. Административные обязанности отнимали у И. Рейнхарца массу времени, в результате чего книга вышла лишь в 1998 году. При этом для И. Рейнхарца, живущего в США с 1961 года, но родившегося в 1944 году и проводшего детские годы в Хайфе, эта книга была в известном смысле возвращением к истокам, к описанию духовной и социальной среды того круга, к которому принадлежали его родители. «Сионизм и создание нового общества», как и некоторые другие книги И. Рейнхарца, предназначена, скорее, для студентов и может быть рекомендована как первое учебное пособие по истории еврейской общины подмандатной Палестины.

Одной из наиболее критических в отношении сионистского движения и организованной еврейской общины Палестины является книга профессора Иерусалимского университета Зезва Штернхелля, вышедшая на иврите под названием «*Строительство нации или исправление общества? Национализм и социализм в израильском рабочем движении, 1904–1940*»⁵¹, а на английском –

⁴⁷ Gorny Y. *Zionism and the Arabs, 1882–1948: A Study of Ideology*. Oxford, 1987. P. 206, 212.

⁴⁸ Shapira A. *Land and Power*. P. 275.

⁴⁹ Halpern B. and Reinharz J. *Zionism and the Creation of a New Society*. Oxford University Press, 1998.

⁵⁰ Halpern B. *The Idea of the Jewish State*. Cambridge, 1969.

⁵¹ Штернхелль З. *Строительство нации или исправление общества? Национализм и социализм в израильском рабочем движении, 1904–1940*. Тель-Авив, 1995.

«*The Founding Myths of Israel*»⁵². Как и многие авторы, в центре внимания которых находится сложное взаимодействие национального и социалистического компонентов сионистского движения, З. Штернхелль делает акцент на проблеме постепенного вытеснения социалистического элемента национальным, с тем лишь отличием, что критика автора значительно жестче, а выводы значительно радикальней. Критика З. Штернхелля направлена против отцов-основателей Израиля за их «стремление к территориальной экспансии и неспособность построить подлинно эгалитарное общество», несмотря на повсеместное повторение лозунгов о стремлении к социальному равенству.

Особенно острая критика в работе З. Штернхелля направлена против Федерации профсоюзов, созданной еврейской общиной Палестины еще в 1920 году, экономическая мощь которой, по мнению автора, «никогда не направлялась на достижение реального равенства». Хотя элита и поддерживала видимость добровольности членства в профсоюзах, реальность, как утверждает З. Штернхелль, была прямо противоположной, а сама эта организация «занималась преимущественно насаждением культа дисциплины и власти»⁵³. Анализируя период 1920-х и 1930-х годов, автор подчеркивает триумф «националистического социализма», выразившийся в «господстве партийного аппарата», «убогости интеллектуальной жизни», «конформизме» и принятых решениях, которые не имели ничего общего с декларируемой целью построения эгалитарного общества. Из этого, заключает З. Штернхелль, «проистекает слабость и уязвимость израильской демократии», ведь еще в догосударственный период «политическая и культурная жизнь были полностью подконтрольны партаппарату и Федерации профсоюзов»⁵⁴.

Особое место занимает работа британского историка Саймона Шама, посвященная еврейскому заселению Палестины, однако рассматривающаяся не в контексте противостояния с местным арабским населением, а в контексте борьбы со сложными климатическими и природными условиями Палестины. Книга С. Шама «*Two Rothschilds and the Land of Israel*» была издана в Лондоне в 1978 году, однако и сегодня она представляет собой уникальный материал по проблеме создания и развития еврейских поселений в Палестине⁵⁵.

С. Шама описывает деятельность барона Эдмонда де Ротшильда (1845–1934), от первых его шагов по организации еврейских поселений в Палестине после погромов в Российской империи в 1881–1882 годах и вплоть до создания разветвленной сети поселений в 1920-е годы. Начало деятельности барона Ротшильда в Палестине предшествовала возникновению политического сионизма Т. Герцля. Как отмечает С. Шама, в последней четверти XIX века в Европе возникло сразу несколько групп, продвигавших идею заселения евреями Палестины, как из филантропических, так и из идеологических соображений. На фоне слабеющей и распадающейся Османской империи многие этнические и религиозные группы – христиане, копты, армяне – старались упрочить и

⁵² Sternhell Z. *The Founding Myths of Israel: Nationalism, Socialism, and the Making of the Jewish State*. Princeton University Press, 1998.

⁵³ Ibid. P. 198–216.

⁵⁴ Ibid. P. 319.

⁵⁵ Schama S. *Two Rothschilds and the Land of Israel*. London, 1978.

улучшить свое положение. Деятельность Ротшильда отличало наличие значительных финансовых ресурсов, которые он мог использовать для реализации своих планов, и его готовность выделять средства на начатый проект на протяжении многих лет. Его сын Джеймс (1878–1957) продолжил дело отца и покровительствовал многим начатым в Палестине проектам вплоть до своей смерти. Их потомки продолжают разветвленную филантропическую деятельность в Государстве Израиль и в наши дни.

Заслуга книги Саймона Шама состоит в том, что он показал, что на протяжении более тридцати пяти лет Э. де Ротшильд действовал фактически отдельно от сионистов как политического движения. Первые попытки сотрудничества между ними начались только в 1917 году, когда была обнародована Декларация Бальфура (которая, в свою очередь, была оформлена как письмо к другому представителю династии Ротшильдов – Лайонелу Уолтеру, 1868–1937). Все проекты, начатые Ротшильдом, были независимы от основанной Т. Герцлем Сионистской организации. Важность деятельности Ротшильдов может быть проиллюстрирована следующей цифрой: 32 тысячи акров земли, приобретенные на средства барона к 1900 году, составили 67% всей земли, принадлежавшей евреям в Палестине в то время! К началу Первой мировой войны существовало 45 еврейских поселений, 25 из которых были основаны напрямую Э. де Ротшильдом или были зависимы от него. Двадцать лет спустя в Палестине было уже 124 еврейских поселения, из которых на средства и по инициативе барона было создано тридцать. Хотя с течением времени роль Э. де Ротшильда в заселении Палестины становилась все менее заметной, его первоначальный вклад был, несомненно, огромен.

Таким образом, историография британского мандата в Палестине затрагивает два крупных корпуса проблем: политика Лондона в стране и в отношении евреев Европы; а также особенности внутреннего развития еврейской общины. Наиболее интересными представляются работы, в которых предпринимаются попытки не только рассмотреть политическую культуру и политическую психологию тогдашних жителей страны, но и предлагаются теоретические модели осмысления общества, сложившегося в подмандатной Палестине. Во многих университетах мира изучение Израиля и арабо-израильского конфликта начинается с событий 1948 года, что едва ли можно считать оправданным. Представленный в настоящей статье обзор отдельных этапных работ по истории Палестины в предшествующее войне 1948 года тридцатилетие отчетливо демонстрирует, что векторы последующих процессов сформировались именно тогда.